

РОМЕН
РОЛЛАН

Жан-Кристоф
Том 1

МОСКВА

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Р67

Romain Rolland
JEAN-CHRISTOPHE

Перевод с французского
*Ольги Хоумской, Надежды Жарковой,
Розы Розенталь и Адриана Франковского*

Вступительная статья, послесловие
и примечания *Ирины Лилеевой*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Роллан, Ромен.

Р67 Жан-Кристоф. Том 1 / Ромен Роллан ; [перевод с французского О. Хоумской, Н. Жарковой, Р. Розенталь, А. Франковского]. — Москва : Эксмо, 2025. — 992 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-206207-0

«Жан-Кристоф» — это масштабный роман-эпопея Романа Роллана, повествующий о жизни и духовных поисках талантливого музыканта Жана-Кристофа Крафта.

В девяти томах автор прослеживает путь главного героя от детства до зрелости, рассказывает о борьбе с трудностями и стремлении к свободе, самовыражении через музыку. Главный герой бесконечно борется за собственную идентичность и место в мире.

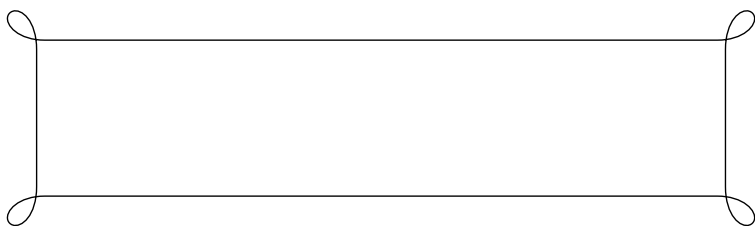
Роман не только повествует о судьбе отдельного человека, но и отражает изменения европейского общества на рубеже XIX и XX веков. Роллан исследует вопросы искусства, гения, дружбы и любви и противопоставляет индивидуальность общественным нормам.

«Жан-Кристоф» — это гимн человеческому духу, творчеству и внутренней свободе.

**УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44**

- © О. Хоумская, перевод на русский язык, наследники, 2025
- © Н. Жаркова, перевод на русский язык, наследники, 2025
- © Р. Розенталь, перевод на русский язык, наследники, 2025
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-206207-0

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ДУШИ

Среди многочисленных книг, существующих в мире, есть книги особые. Их нелегко читать, они требуют абсолютно-го внимания, они сталкивают с важнейшими социальными и общественными проблемами, заставляют думать, решать сложные и трудные вопросы, а иногда вызывают и на своеобразный внутренний спор с автором. Подобные книги всегда щедро вознаграждают своего читателя, открывая перед ним мир высоких чувств и глубоких мыслей, раздвигая горизонты его интересов. К таким умным и требовательным книгам относится роман «Жан-Кристоф». Его автору, Ромену Роллану, было тридцать семь лет, когда он записал в дневнике: «Сегодня, 20 марта 1903 года, я окончательно начинаю писать «Жан-Кристофа».

Этой записи предшествовали трудные для Роллана годы поисков своего пути в искусстве, в литературе.

Ромен Роллан родился в 1866 году в Бургундии, в старинном городке Кламси. С ранней юности им владели две страсти — любовь к музыке и любовь к литературе.

Будучи студентом Парижской нормальной школы¹ (высшего педагогического заведения), Роллан решает вначале специализироваться по истории и теории музыки.

---

¹ Высшая нормальная школа в Париже — одно из самых престижных высших учебных заведений Франции, для поступления в которое необходимо по окончании лицея проучиться несколь-

Двухлетнее пребывание в Италии, путешествие по Германии раскрывают перед ним огромные богатства, созданные творческим гением человека. Роллан защищает диссертацию по истории оперы, читает лекции по истории музыки в нормальной школе, затем в Сорбонне.

Но его все больше и больше влечет к себе литература как искусство, способное наиболее полно и глубоко отразить жизнь народа.

Рубеж XIX и XX веков, когда Роллан начинает свою литературную деятельность, был временем, когда буржуазная Франция все более откровенно и цинично обнажала свою сущность «республики без республиканцев». Собирала силы реакция, поднимали голову монархические круги, генерал Буланже пытался установить в стране военную диктатуру. Правительства радикалов послушно выполняли волю финансовой олигархии. Нашумевшая панамская афера раскрыла потрясающие факты политической коррупции, всеобщей продажности. Дело Дрейфуса всколыхнуло общественное мнение Франции, обнажив все усиливающееся влияние милитаристских кругов. Страну потрясали социальные битвы, беспрестанно вспыхивали стачки рабочих. Роллан пытается разобраться в этих сложных явлениях современности. Он понимал далеко не все, но знал одно — он на стороне демократических сил. Не мог он пройти в те годы и мимо социалистических идей, которые играли все большую роль в общественной жизни страны. Роллан верил, что социалистические идеалы смогут обновить искусство. Его сближение с социализмом в то время было весьма поверхностным. Он сам называл себя «социалистом по интуиции», «социалистом чувства». Но очень знаменательна позиция молодого писателя, его стремление быть в гуще жизни времени, его демократические симпатии.

Уже тогда, в 90-е годы, Роллан смело и решительно выступает против декадентского искусства, враждебного и рав-

---

ко лет в специальных подготовительных классах, чтобы затем пройти строгий конкурсный отбор.

нодушного к людям. «Я задыхался от пошлого запаха продажности, от бесплодного умственного разврата, бессилия и неискренности, отсутствия настоящей, глубокой человечности»¹.

Он был верен мудрому уроку, полученному им в юности от Льва Николаевича Толстого. В 1887 году, будучи еще студентом, Роллан обратился с письмом к великому писателю, спрашивая его о цели и назначении искусства. «Только от Вас я могу ждать ответа, ибо только Вы поставили вопросы, которые преследуют меня». Толстой в своем ответе «дорогому брату» подчеркнул, что лишь любовь к народу может помочь художнику создать настоящие произведения, что только в служении правде и народу путь подлинного искусства.

В разгар всеобщего увлечения декадентством Роллан мечтает о героическом искусстве, которое будило бы в людях лучшие чувства, обогащало их жизнь, звало на подвиг, помогало бы противостоять удушливой атмосфере Третьей республики.

Искусство должно стать «школой героизма» — провозглашает молодой писатель, но... его мало кто слышит. Имя Роллана еще не известно, его почти не печатают, и все же в 90-е годы он начинает свой творческий подвиг, утверждая высокий героический идеал. Свое художественное credo он провозглашает в 1903 году в предисловии к книге «Жизнь Бетховена»: «Вокруг нас душный, спертый воздух. Дряхлая Европа впадает в спячку в этой гнетущей, затхлой атмосфере... Мир погибает, задушенный своим трусливым и подлым эгоизмом. Мир задыхается. Распахнем же окна! Впустим вольный воздух! Пусть нас овеет дыханием героев!»²

Утверждение героического начала в искусстве определяет звучание всего творчества Роллана, определяет его особое, высокое место во всей литературе XX века.

---

¹ Роллан Р. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1966. С. 334.

² Роллан Р. Собр. соч. М.: Гослитиздат, 1954. Т. 2. С. 10.

Роллан в 90-е годы еще не знал, кто должен стать носителем его героических идеалов, с какими общественными силами связан его герой. Он мечтал создать в искусстве мир великих людей, который стал бы обвинением современной буржуазной пошлости и продажности, который противостоял бы оскудению и унижению человека. Он начинает с драматургии. Он ищет своих героев в прошлом. Обращаясь к истории, он создает два цикла драм: «Трагедии веры» и «Драмы революции». Драмы революции были созданы Ролланом как народная героическая эпопея Франции из истории революции XVIII века.

Роллан искал героев среди гениальных творцов, великих нравственной силой. Так возникает его цикл «Героические жизни»: «Жизнь Бетховена» (1903), «Жизнь Микеланджело» (1906), «Жизнь Толстого» (1911).

Для творческого развития писателя особое значение имела книга «Жизнь Бетховена» — первая из его книг о великом немецком композиторе и гражданине. Бетховен — любимый герой Роллана, и на протяжении всей жизни он будет для писателя высшим примером героизма, идеалом человека, воплотившего победу духа над всеми жизненными невзгодами. Ни бедность, ни одиночество, ни глухота, ни равнодушие окружающих — ничто не могло сломить Бетховена. Преодолевая несчастья и страдания, он прославляет радость борьбы и создает в конце своей жизни «Девятую симфонию», завершающуюся торжествующей одой «К радости». Слова Бетховена «через страдание к радости» стали девизом жизни и творчества Роллана. Изнеженной, болезненной литературе декаданса он смело противопоставил образ бунтаря.

«Жизнь Бетховена» — не просто музыковедческая работа, а страстное утверждение величия и героизма человека-творца.

Для Роллана в те годы героизм заключался не столько в конкретных поступках и действиях человека, сколько в его верности своим высоким и благородным принципам, в умении мужественно преодолевать страдания, в способности сохранить и не предать свой духовный мир. «Я называю ге-

роями, — писал он, — не тех, кто побеждал мыслью или силой. Я называю героем лишь того, кто был велик сердцем»¹. Это абстрактное понимание героизма лишь как величия человеческого духа лежит в основе образа Бетховена, созданного Ролланом. «Жизнь Бетховена» принесла писателю первый литературный успех.

В многолетних поисках нового героя созрел и оформлялся замысел «Жан-Кристофа». Впервые мысль о создании книги о бунтаре и творце возникла у Роллана весной 1890 года, когда он жил в Риме. Как-то мартовским теплым вечером поднялся он на Яникульский холм полюбоваться красотой города и окрестной Кампаньи. В вечерних сумерках терялись и расплывались знакомые очертания города. Роллан отдался своим мыслям, литературным планам. Позже он вспоминал: «Я перестал ощущать окружающее, не чувствовал времени... Я увидел вдали свою землю, свои замыслы, самого себя... На этом самом месте зародился «Жан-Кристоф». Конечно, его образ был еще неясен, но в зародыше он возник еще тогда... Независимый творец, он видел и судил нынешнюю Европу глазами нового Бетховена»². Роллан не раз отмечал, что, если бы он не открыл для себя героев, подобных Бетховену, он не отважился бы на создание эпопеи о Жан-Кристофе. Роллан рассматривал цикл «Героические жизни» как своеобразную подготовительную работу к воплощению образа современного героя, ибо писатель ясно понимал, что только современный герой может ответить на вопросы современности, волноваться ее проблемами, жить ее надеждами. Он долго готовился к решению этой особо важной для него творческой задачи — создать современную героику. Роллан долго обдумывал и вынашивал образ Жан-Кристофа. «Я его не писал... Он складывался в глубине моих ночей и дней, хотя я еще не прикасался к чернильнице»³. Непосредственной же работе над романом писатель

---

¹ Роллан Р. Собр. соч. М.: Гослитиздат, 1954. Т. 2. С. 10-11.

² Роллан Р. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1966. С. 310.

³ Там же. С. 446.

отдал около десяти лет. Он писал огромный, подобно медленно текущей реке, роман, не надеясь на признание читателей, не думая об успехе. Он создавал эту книгу, потому что не мог ее не писать, так как она вобрала в себя весь мир его идеалов, надежд и стремлений, его раздумья, открытия и разочарования, всю его ненависть и всю его любовь: книга эта стала для него «символом веры», он вложил в нее все свое понимание жизни. Роллан придавал своему роману большое общественное значение, он хотел, чтобы его книга «в период морального и социального разложения Франции пробудила дремлющий под пеплом духовный огонь»¹.

Рассказ о жизни гениального композитора-бунтаря разворачивается на широком фоне современной Роллану Европы.

Временные и пространственные рамки романа очень широки. Он вмещает в себя описание событий, происходящих в Германии, Франции, Швейцарии, Италии.

Первые страницы книги, рассказывающие о рождении героя, переносят читателя в небольшое прирейнское немецкое герцогство второй половины XIX века, в последних же главах стареющий Жан-Кристоф с тревогой наблюдает рост шовинистических, милитаристских настроений предвоенной Европы. «Кристоф умирает, достигнув пятидесятилетнего возраста, в канун 1914 года», — уточнял позже Роллан. Нельзя не отметить несоответствие исторического времени времени действия романа. Время жизни героя течет значительно быстрее истории. Это особенно заметно в последней книге — «Грядущий день», где, по словам автора, «Кристоф не считает больше убегающих лет». Если оба временных плана привести в соответствие, то смерть Кристофа следовало бы отнести к тридцатым годам, то есть через восемнадцать лет после того, как был закончен роман.

Роман вобрал в себя политическую и общественную жизнь, развитие культуры, искусства Европы между франко-прусской войной 1870 года и началом Первой мировой войны 1914 года.

---

¹ *Роллан Р.* Собр. соч. М.: Гослитиздат, 1956. Т. 6. С. 373.

Все десять книг романа объединены образом Жан-Кристофа, героя «с чистыми глазами и сердцем». «Герой этот, — писал Роллан Мальвиде фон Мейзенбург в 1902 году, — Бетховен в нашем сегодняшнем мире». Он постоянно подчеркивал, что не следует в Жан-Кристофе видеть прямое повторение Бетховена, несмотря на совпадение отдельных биографических фактов. Жан-Кристоф — герой бетховенского плана, то есть человек такого же душевного героизма, бунтарского духа, врожденного демократизма, что и гениальный немецкий композитор. Герой роллановского романа — немец, что вызывало немало нареканий, упреков со стороны националистически настроенной части французской критики 1900-х годов. Объясняя свой выбор героя, писатель отмечал, что герой-иностранец, немец, мог посмотреть на современную Францию свежими глазами и острее схватить и понять положительные и отрицательные стороны ее общественной жизни. Но, подчеркивал Роллан, главное же состоит в том, что Жан-Кристоф прежде всего человек, «настоящий человек», «человек полноценный». Он воплощал положительный идеал писателя, с образом Жан-Кристофа связан героический пафос всего произведения.

Вот что писал сам автор: «От окончания «Утра» и до начала «Грядущего дня» героическая поэма о Жан-Кристофе заполнена *бунтом* — бунтом жизни против всего, что извне душит и отравляет ее своими смрадными объятиями (искусственно созданные условности и моральные предрассудки, лицемерие и растленность общества, труп прошлого, пожираемый червями, «Ярмарка на площади»)»¹.

Воссоздавая процесс формирования творческой личности, писатель особенно внимательно перелистывает первые страницы жизненной летописи Жан-Кристофа. Ласково склоняется Роллан над колыбелью ребенка, пытаясь проникнуть в мир его чувств и ощущений. Первое, еще неясное и смутное восприятие окружающего мира, тепло материнских рук, ласковое звучание голоса, ощущение света, тем-

---

¹ Роллан Р. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1966. С. 177.

ноты, тысячи разных звуков... Роллан подчеркивает впечатлительность, одаренность мальчика. Звон весенних капель, гудение колоколов, пение птиц — чудесный мир звуков восхищает маленького Кристофа, и, наконец, в его жизни наступает великое мгновение — открытие музыки. Он слышит музыку всюду, так как для гениального музыканта «все сущее есть музыка — нужно только ее услышать». Кристоф рано знакомится с трудностями и горестями жизни. Сын кухарки, он еще в детстве познает социальную несправедливость; рано видит смерть, с ужасом и отвращением сталкивается с пьянством. С одиннадцати лет маленький музыкант вынужден работать, помогая матери прокормить младших братьев, в четырнадцать лет он уже глава семьи. Развитие и возмужание Кристофа идет через глубокие внутренние потрясения и душевные кризисы. Каждое новое столкновение с жизнью неизбежно приносит ему новое разочарование. Обманчивой оказывается мечта о дружбе с Отто Динером, горький осадок в душе оставляет увлечение Минной и встреча с Адой. Неожиданная смерть Сабины обрывает большое чувство Кристофа. Но из всех этих испытаний и горестей он выходит еще более сильным и закаленным. Внимание писателя сосредоточено не на описании подробностей различных событий, а на их психологических результатах.

С самого начала сознательной жизни своего героя Роллан подчеркивает присущий ему дух непокорности и бунтарства, протест против страдания. «Широко открыв глаза, вдыхать всеми порами могучее дыхание жизни, видеть вещи как они есть, смотреть в лицо своим бедам — и смеяться». В этом жизнеутверждающем оптимизме великая сила Кристофа; затем он передаст его героям других книг Роллана: весельчаку Кола Брюньону, умной и мужественной Аннете Ривьер. Героическое начало объединяет всех этих любимых детей писателя. «Я люблю больше всего тех людей, которые прошли сквозь страдание, не унизившись и не утратив богатства своей внутренней жизни», — говорил Роллан. Жан-Кристоф несет высокий идеал человеческого мужества и достоинства. Роллан наделил этого гениального композитора ярким, незаурядным характером, неукротимой

силой чувств, ибо только такой герой мог противостоять затхлому миру буржуазной Европы. Жан-Кристофу чуждо равнодушие к жизни. Он все воспринимает глубоко и остро, целиком отдаваясь охватившему его чувству, будь то дружба, любовь, ненависть, горе или радость. Писатель не идеализирует своего героя. Необузданный, правдивый иногда до грубости, он нередко слишком резок, подвержен вспышкам гнева, порою необъективен в суждениях. Роллан шуточно жаловался в одном из своих писем: «Это ужасный человек, он доставляет мне много беспокойства, никогда не знаешь, не выкинет ли он какую-нибудь глупость». Но при всем этом Жан-Кристоф покоряет читателя своей добротой, величием таланта, высоким накалом творческого горения. Человек большой требовательности к себе, Жан-Кристоф с этой же меркой относится ко всем людям и не прощает им недостатков и слабостей. Подобно ибсеновскому Бранду, он не признает компромиссов, уступок, живет по жестокому закону: «Все или ничего», поэтому ему нередко очень тяжело, поэтому он чаще всего одинок.

На протяжении всех десяти книг романа образ Кристофа дается в непрерывном развитии. Следуя за героем по его трудной жизненной дороге, читатель видит, как с годами постепенно нарастает у него возмущение окружающей действительностью, как зреет в нем смерч бунта. Сама логика характера Кристофа приводит его к открытому столкновению с буржуазным обществом. Это четвертая книга романа — «Бунт». Кристоф бросает дерзкий вызов выродившемуся искусству Германии. Родина Гёте и Бетховена предстает перед ним страной, где всюду, даже в искусстве, торжествуют пошлость и посредственность. Потворствуя вкусам филистеров, современные композиторы пишут слащавые, сентиментальные *Lieder* (песни). Старый Шульц, тонкий ценитель народной и классической музыки, кажется современникам смешным чудачком, слава избирает своим баловнем пустого, отравленного ядом декаданса композитора Гаслера, который ничего не может дать людям, ибо искусство для него лишь средство личного преуспевания. Великие музыканты прошлого превращены в идолов, которым слепо

и бездумно поклоняются. Кристоф вначале обрушивается даже и на великих классиков, вроде Брамса, возмущенный бездарностью его истолкователей.

Прозорливость большого художника помогает Роллану увидеть тревожные симптомы в политической жизни Германии. Опьяненная победой во Франко-прусской войне 1870 года, страна охотно бросается в объятия прусской военщины.

Противопоставляя своего героя измельчавшей немецкой культуре, Роллан подчеркивает, что источник внутренней силы Кристофа — творчество. В музыке его звучит тема борьбы и бунта, она не ласкает слух, не успокаивает, не радует — она вселяет чувство беспокойства, тревоги; ее не понимают и не принимают.

Роллан обращается к одной из самых трагических проблем искусства: художник и общество.

Художник — избранная натура, он обычно неизбежно одинок и противостоит окружающему миру. Не понятый им, он презирает его, гордо удаляясь в «башню из слоновой кости», или гибнет, сломленный борьбой и жизненными невзгодами, или же растрчивает свой талант, идя на службу власть и золото имущим, — так чаще всего решалась эта проблема в произведениях XIX века. Кристоф дан в романе тоже в неизбежном конфликте с буржуазным обществом, но он не идет ни по одному из этих путей. Он не уступает, сохраняет до конца жизни свою творческую независимость, преодолевает все трудности и в конце концов добивается признания. Это было новым решением проблемы. Искусство Кристофа сохраняет верность жизни, народу, еще в детстве открывшему ему красоту народной песни и великий закон искренности и правды. «Вся музыка живого бытия звучала в Кристофе. Все, что он видел, все, что он чувствовал, незаметно для него самого преобразалось в мелодии». Это живое творческое начало, противное фальши и компромиссу, определяет прежде всего для Роллана истинную ценность человека. Писатель стремится приоткрыть перед читателем святая святых художника — тайну творческого процесса, томительно-мучительное состояние поиска, пьянящую радость

озарения, открытия. Он часто вводит в ткань повествования внутренние монологи, лирические излияния героя.

Роллан не замыкает, однако, своего героя только в мире творчества, он сталкивает его с важнейшими социальными проблемами современности.

В пятой книге — «Ярмарка на площади» — действие переносится во Францию. Книга эта занимает особое место в структуре всего произведения, на ее страницах Жан-Кристовф отходит на задний план, уступая место критическому изображению французской действительности. «Ярмарка на площади» написана в совершенно иной тональности, чем другие части произведения. Этот музыкальный термин вполне уместен в разговоре о книге Роллана, ибо он сам писал, что роман его строится как четырехчастная симфония, где каждая часть отличается своим особым звучанием и настроением. «Ярмарка на площади» — резкий обличительный памфлет.

Эпиграфом к этой книге могли бы служить слова А. М. Горького, обращенные к Франции, из его памфлета «Прекрасная Франция», написанного в то же время: «... все лучшие дети твои — не с тобой. Со стыдом за тебя, содержание банкиров, опустили они честные глаза свои, чтобы не видеть жирного лица твоего... Жадность к золоту опозорила тебя, связь с банкирами развратила честную душу твою, залила грязью и пошлостью огонь ее»¹.

... Начало века. Третья республика. Политика стала предметом спекуляции ловких и наглых авантюристов. Продажные лидеры различных буржуазных партий искусно прикрывают громкими словами свои низкие, корыстные интересы. Социалист Люсьен Леви-Кэр ведет тайные переговоры с реакционными политиками, делает карьеру в модных буржуазных салонах. Для другого социалиста, депутата Руссэна, социализм тоже лишь удобная реклама.

Вслед за Бальзаком и Мопассаном Роллан с возмущением пишет о лживой и продажной прессе. В журналах и газетах

---

¹ Горький М. Собр. соч. в 30 т. М.: Гослитиздат, 1950. Т. 7. С. 71.

сотрудничают беспринципные Сильвены Коны, невежественные Гужары.

На Ярмарке создается не искусство, а фабрикуется товар в угоду извращенным вкусам пресытившихся буржуа.

«В театре показывали убийства, изнасилования, разные виды безумия, пытки, выколотые глаза, вспоротые животы, — короче все, что могло дать встряску нервам и удовлетворить скрытые варварские инстинкты ультрацивилизованной верхушки общества». Поражает точность наблюдения Роллана, убедительность его выводов о неизбежности деградации продажного буржуазного искусства. Писатель вскрывает главную причину страшного заболевания современной ему культуры — губительную власть денег. Больное, оторванное от народа искусство обречено на бесплодие, на медленное умирание — таков вывод Роллана. Да, именно самого Роллана, так как, охваченный болью за Францию, писатель в этой книге нередко забывает своего героя и непосредственно сам говорит с читателем. Подчеркнутая публицистичность, свойственная всему роману, особенно ярко звучит в «Ярмарке на площади». Читатель явственно слышит гневный голос писателя, обращенный к правителям Третьей республики: «Что вы сделали с Францией, куда вы ее ведете?» Имя Роллана в нашем сознании связано прежде всего с понятиями гуманизма, доброты, человечности, но этот предельно добрый, мягкий человек умел и ненавидеть, когда речь шла о врагах человечества и прогресса. У Роллана «голос тих, но тверд», писал Горький¹. В 30-е годы голос писателя, «совести Европы», был слышен во всем мире, он призывал к борьбе против фашизма, против войны. Впервые ненависть зазвучала в голосе Роллана в «Ярмарке на площади». Он слишком любил Францию, чтобы писать спокойно.

Роллан и Кристоф вершат суд над Ярмаркой. Жан-Кристоф в Париже не просто наблюдатель. Его живая, активная натура заставляет его во все вмешиваться, громко выражать свое возмущение, негодование, свое неприятие; он резко,

---

¹ Горький М. Собр. соч. в 30 т. М.: Гослитиздат, 1953. Т. 24. С. 261.

подчас с подчеркнутым вызовом противопоставляет свою точку зрения взглядам признанных авторитетов, бездарность он называет бездарностью, фальшь — фальшью. Образ Кристофа — титана, творца и бунтаря — возвышается над пигмеями, суетящимися на толкучке Ярмарки. Кристоф бедствует, голодает, но не сдаётся, не идет против своих принципов. В этой книге его бунт достигает своего апогея. «Кристофу необходим был вольный воздух... возможность обнять тех, кто ему дорог, обличать врагов, бороться и побеждать». Правда, Кристоф далеко не всегда ясно понимает, что же он конкретно хочет противопоставить ненавистной Ярмарке. Он жаждет борьбы, но не знает, с кем и во имя чего бороться, не всегда понимает, кто его друзья и союзники. Бунт его вызван скорее чувством, эмоциями, нежели разумом, глубокой и трезвой оценкой действительности, поэтому бунт этот неизбежно принимает форму стихийного протеста. Образ одинокого бунтаря Кристофа у Роллана, однако, принципиально отличен от часто встречавшихся в литературе того времени героев-индивидуалистов, с ницшеанским презрением смотревших на других людей, высокомерно противопоставлявших себя массе. При всем своем трагическом одиночестве Кристоф не враждебен людям, он не может без людей и постоянно тянется к ним. Он всегда кого-то любит, о ком-то заботится, кого-то опекает, его талант питается общением с людьми. Кристофу лучше среди простых людей, отзывчивых и добрых, таких как его мать Луиза, дядя Готфрид, Лорхен, нежели среди завсегдатаев модных салонов. Блуждая в сутолоке Парижа, он упорно и настойчиво ищет подлинную, настоящую Францию, ибо у героя Роллана отрицание неразрывно связано с поисками положительных идеалов. «Франция — это мы», — нагло заявляет ему Сильвен Кон. Но Кристоф уверен, что «Франция не такая... Такой народ не протянул бы и двадцати лет... Должно быть что-то другое».

Друг Кристофа, мечтательный мыслитель Оливье Жанен, знакомит его с французским народом, проникновенно рассказывая о незаметных тружениках, о скромных обитателях жалких мансард. Нельзя, однако, не заметить, что все раз-